

РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ четыре руб., съ пересылкою пять р. с. Подписка принимается въ редакціи сего журнала, при кievской семинаріи.

№ 49.

1870 года. Декабря 6-го.

Содержаніе: Бесѣда псаломщика съ грамотными прихожанами о Псалтири. — Истинные вселенскіе соборы въ сопоставленіи съ нынѣшнимъ мнимо-вселенскимъ соборомъ въ Римѣ. — Старые обычаи и новыя взгляды. — Новыя книги въ руководство для сельскихъ учителей и воспитателей. — Объявленіе.

БЕСѢДА ПСАЛОМЩИКА СЪ ГРАМОТНЫМИ ПРИХОЖАНАМИ О ПСАЛТИРИ.

II.

Въ концѣ предыдущей бесѣды ¹⁾ я замѣтилъ вамъ, что уже въ то время, когда изъ отдѣльныхъ псалмовъ составлялась псалтирь, т. е. во времена Эздры, жившаго болѣе нежели за пятьсотъ лѣтъ до Р. Х., сами евреи не совсѣмъ понимали свой отечественный языкъ, на которомъ написаны были первоначально и псалмы. Въ слѣдствіе этого невозможно было, чтобы переписчики всегда переписывали священный текстъ съ такою точностію, съ какою они это дѣлали бы, если бы еврейскій языкъ былъ для нихъ совершенно понятнымъ языкомъ. Языкъ халдейскій, которымъ

они говорили тогда, приближаясь во многомъ къ языку еврейскому, представлялъ переписчикамъ много случаевъ ставить одни буквы вмѣсто другихъ, и такимъ образомъ измѣнять иногда даже смыслъ текста. Отъ этого произошло много разностей въ разныхъ спискахъ священнаго текста въ то время, когда Промыслу угодно было, за 370 л. до Р. Х., сдѣлать священное писаніе понятнымъ для языческаго міра чрезъ переводъ на всемірный въ то время греческій языкъ. Переводъ этотъ сдѣланъ съ самаго вѣрнаго списка; но онъ не могъ не разниться отъ переводовъ, сдѣланныхъ съ другихъ списковъ еврейскаго текста, поврежденныхъ. Отсюда произошло и то, что нашъ славянскій переводъ Библии, сдѣланный свв. Кирилломъ и Меодіемъ съ греческаго языка, разнится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ перевода русскаго прямо съ еврейскаго текста въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до нашего времени. Это нужно помнить намъ, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ псалтири мы будемъ встрѣчать по славянскому и русскому переводу непримиримыя разности. Разность эта нисколько не должна соблазнять насъ. Св. отцы Церкви свободно и смѣло замѣчали такія разности. Въ своихъ толкованіяхъ слова Божія они представляютъ своимъ слушателямъ разные чтенія того или другаго текста въ разныхъ современныхъ имъ греческихъ спискахъ, какъ напримѣръ дѣлаетъ это св. Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ на псалмы. Тѣмъ не менѣе отцы и учителя Церкви признаютъ участіе бож. Провидѣнія въ сохраненіи Писанія, прошедшаго чрезъ столько рукъ и столько вѣковъ, такъ какъ большая часть такихъ разностей касается преимущественно времячисленія, родословій, названій разныхъ предметовъ древности, вышедшихъ изъ употребленія, какъ напримѣръ музыкальных инструментовъ и т. п. Можно сказать съ бл. Августиномъ, что всѣ эти разности изъ числа такихъ, о которыхъ можно

говорить свободно и которыя можно оставлять безъ вниманія.

Послѣ этого длиннаго, но необходимаго предисловія, продолжимъ бесѣду о нѣкоторыхъ непонятныхъ словахъ и выраженіяхъ, стоящихъ надъ псалмами. Эти надписанія не читаются, какъ извѣстно, въ церкви; но всегда печатаются въ псалтири и возбуждаютъ къ себѣ вниманіе своею загадочностію, представляющею великій просторъ толковническимъ догадкамъ и объясненіямъ.

Итакъ что значитъ выраженіе въ надписаніи перваго псалма и многихъ другихъ—*не надписанъ у еврей?*

Хотя несомнѣнно, что надписи надъ псалмами существовали уже въ еврейскомъ текстѣ, такъ какъ греческіе переводчики передали ихъ намъ въ точности, нерѣдко безъ яснаго смысла, поелику преданіе о ихъ смыслѣ въ то время уже было утеряно, и такъ какъ никто не осмѣлился бы внести въ текстъ столько прибавленій; но несомнѣнно также и то, что нѣкоторыя надписи сдѣланы надъ псалмами въ позднѣйшее время рукою священныхъ лицъ Церкви, толковниковъ и переводчиковъ, которые, не находя надъ извѣстнымъ псалмомъ въ еврейской псалтири надписи, дѣлали таковую сами. Дѣлая же надпись и въ тоже время высоко цѣня священный еврейскій текстъ и благоговѣя предъ нимъ, они, внося необходимыя прибавленія, считали нужнымъ каждый разъ замѣчать, что это ихъ собственныя слова, которыхъ нѣтъ въ подлинномъ текстѣ. Такъ какъ въ еврейской псалтири надъ 34-мя псалмами нѣтъ надписей, то дѣлавшіе въ позднѣйшихъ переводахъ такія надписи и присоединяли къ своимъ надписямъ примѣчаніе: »не имѣетъ надписи этотъ псаломъ въ еврейской псалтири«, или что тоже: *не надписанъ у еврей.*

Какъ понимать слово *въ конецъ*, встрѣчающееся первѣе

всего надъ пс. четвертымъ и потомъ надъ многими другими псалмами?

• Много значеній соединяють съ этимъ словомъ. Толковники даютъ разный смыслъ слову: *въ конецъ*, утверждая, что этимъ надписаніемъ указывается на *вѣчное употребленіе* псалмовъ въ Церкви, надписываемыхъ этимъ словомъ, или что въ этихъ псалмахъ содержатся истины и наставленія, которыя *всегда будутъ существовать*, или что въ еврейскомъ богослуженіи ихъ пѣли *въ конецъ субботы и другихъ праздниковъ*, или же, наконецъ, что они относятся къ *кончинѣ вѣковъ*, т. е. ко временамъ Христа, грядущаго Мессіи. Такъ толкуютъ это слово большая часть св. отцевъ и древнихъ іудейскихъ раввиновъ. Впрочемъ нѣкоторые отцы Церкви оставляли слово—*въ конецъ* безъ объясненія, замѣчая при томъ, что въ иныхъ переводахъ псалтири это слово замѣнено другимъ. Такъ св. Афанасій говоритъ въ началѣ толкованія четвертаго псалма: «Псаломъ сей Давидъ посвящаетъ побѣдителю, по одержаніи побѣды надъ врагами. Вмѣсто словъ: *въ конецъ* Акила и Θεодотіонъ перевели: *побѣдителю*, а Симмахъ ¹⁾: *побѣднатыи*. Святой же Григорій Нисскій соединяетъ два перевода вмѣстѣ и объясняетъ это надписаніе такъ: «въ конецъ, который есть побѣда». Въ русскомъ переводѣ псалтири вездѣ, гдѣ въ славянской стоитъ: *въ конецъ*, поставлено: *начальнику хора*. Это значитъ, по мнѣнію толковниковъ, что каждый псаломъ съ такою надписью, будучи предназначенъ для пѣнія во храмѣ въ сопровожденіи игры на музыкальныхъ инструментахъ, послѣ его составленія отсылаемъ былъ одному изъ начальниковъ двадцати чети-

¹⁾ Акила, Θεодотіонъ и Симмахъ переводили Библію уже послѣ Р. Х. съ еврейскаго языка на греческій, не довольствуясь переводомъ, сдѣланнымъ до Р. Х. въ Александрію, и называемымъ переводомъ александрійскимъ или 70-ти.

рехъ хоровъ для переложенія на музыку и исполненія во храмѣ. Не вдаваясь въ ученыя тонкости для уясненія, какъ могла произойти такая разность между славянскимъ и русскимъ переводомъ, замѣчу только, что ихъ можно примирить, расширивши значеніе слова: *конецъ*, которое и по гречески и по славянски значитъ между прочимъ и *совершеніе*, *исполненіе*. Принявши послѣднее значеніе, надпись: *въ конецъ* можно толковать: »для исполненія«, »начальнику хора«, какъ читается въ русскомъ переводѣ съ еврейскаго. Самое же *исполненіе* это происходило или совершалось на музыкальныхъ орудіяхъ струнныхъ, что и означаетъ въ надписаніяхъ словомъ: *въ пѣснь*, такъ какъ слово-*пѣснь* или *псаломъ* значитъ собственно »пѣснь, назначенная для музыки инструментальной«, и именно *струнной*, почему и самая »псалтирь« первоначально значила »струнное орудіе«. Можетъ быть самъ Давидъ былъ и изобрѣтателемъ этого музыкальнаго инструмента, какъ и говорится объ этомъ въ одномъ псалмѣ отъ имени Давида: *руцѣ мои сотвориша органъ и персты моя составиша псалтирь*.

На основаніи сказаннаго не трудно объяснить, какъ слѣдуетъ понимать слова: *псаломъ пѣснь* и *пѣснь псалма* (Пс. 65. 66. 67 и др.).

Когда читаемъ надписаніе: *пѣснь псалма*, то это значитъ, что при іудейскомъ богослуженіи эта священная пѣснь начиналась пѣніемъ и сопровождалась музыкою инструментальною. Совершенно наоборотъ *псаломъ пѣснь* означаетъ, что псаломъ съ такою надписью начинался исполненіемъ на инструментѣ, къ которому потомъ присоединялось пѣніе. Музыка и пѣніе составляли у древнихъ евреевъ существенную принадлежность всякаго бугослужебнаго дѣйствія, какъ общественнаго, такъ и частнаго. О пѣніи въ первый разъ упоминается въ разговорѣ Лавана съ Іаковомъ (Быт. 31, 27). Моисей и израильтяне пѣли пѣснь по пе-

реходѣ чрезъ Черное море, а Марія и женщины аккомпанировали хоръ мужчинъ тимпанами (бубны) и ликованіемъ (пляскою съ пѣніемъ) (Исх. 15, 1. 20). Израильтяне пѣли также и предъ золотымъ тельцомъ (32, 6. 18). При звукѣ трубъ и роговъ, происходили у нихъ собранія; когда собирались въ путешествіе, шли на войну, въ началѣ каждаго мѣсяца и праздника, у евреевъ раздавались также звуки тѣхъ же музыкальных инструментовъ (Числ. 10, 1-10. Лев. 25, 9). При звукахъ пали стѣны іерихонскія (І. Нав. 6, 20). Дочь Іефоя вышла на встрѣчу своему отцу »съ тимпанами и ликами« (Суд. 11, 34). Особенно развилась музыка у евреевъ во времена Самуила и Давида. Саулъ встрѣтилъ лигъ пророковъ, хвалившихъ Господа на разныхъ инструментахъ (1 Цар. 10, 5. 10). Давидъ былъ еще пастухомъ, когда способность его играть на гусляхъ (на арфѣ) приблизила его къ Саулу, мучимому нечистымъ духомъ (1 Ц. 16, 16-23). Давидъ переносилъ ковчегъ въ свой домъ при пѣніи пѣсней и звукахъ инструментовъ (2 Цар. 6, 5. 1 Пар. 13, 8; 15, 16. 28). Когда онъ устроилъ въ своемъ царствѣ богослуженіе, то установилъ, чтобы левиты воспѣвали славу Божию и играли на различныхъ инструментахъ во время богослуженія. Управление священной музыкою онъ ввѣрилъ Асафу, Эману и Эоаму, называемому также *Идиоумомъ* (2 Пар. 29, 25. 1 Пар. 6, 32. 33. 39. 44; 25, 3). Дѣти и потомки этихъ начальниковъ были раздѣлены на двадцать четыре чреды, изъ двѣнадцати пѣвцовъ каждая, и образовали такимъ образомъ собою хоръ, состоявшій изъ 288 музыкантовъ (1 Пар. 25). Они снабжены были кимвалами (мѣдныя тарелки), струнными и духовыми инструментами (1 Пар. 15, 16. 28. 2 Пар. 5, 13). При смерти Давида было 38000 левитовъ, изъ коихъ 4000 были пѣвцами (1 Пар. 23, 5). При ежедневномъ богослуженіи, каждая чреда исполняла свою должность въ

продолаженіи пѣѣли; а всѣ собирались во дни праздничныя, когда и сами священники трубили въ трубы (2 Пар. 5, 12). При такихъ-богослужебныхъ собраніяхъ и употреблялись обыкновенно псалмы, а для указанія когда пѣть хоромъ, когда и на какомъ играть музыкальномъ инструментѣ, и служили между прочимъ надписанія надъ псалмами; къ каковымъ надписаніямъ относится едва ли не большая часть оныхъ.

Что значитъ надпись псалма 5-го: *о послѣдствующемъ*?

Въ русской псалтири, вмѣсто этого слова, стоитъ: »на духовыхъ музыкальныхъ орудіяхъ«, т. е. что этотъ псаломъ нужно было исполнять на духовыхъ инструментахъ, на флейтахъ, трубахъ и т. п. Такъ толкуютъ эту надпись и раввины. Другіе думаютъ, что этими словами означался напѣвъ, какимъ пѣли этотъ псаломъ. Наконецъ многіе еврейскія слова оставляютъ безъ перевода и объясненія. Отцы и учителя Церкви подъ *послѣдующимъ* разумѣютъ Церковь и всякую боголюбивую душу. Это толкованіе бл. Θεодорита, св. Афанасія и Златоустаго. На вопросъ: соотвѣтствуетъ ли такое толкованіе надписи содержанию псалма? слѣдуетъ отвѣчать положительно. Въ этомъ псалмѣ говорится, напримѣръ, что *уповающіе на Господа во вѣкъ возрадуются, похвалятся* о Немъ и проч., каковое обѣщаніе вполнѣ можетъ исполниться въ наслѣдникахъ царства небеснаго.

Какой смыслъ въ словахъ: *о осмомъ* (пс. 6), *о осмѣи* (пс. 11)?

Придерживающіеся буквальнаго объясненія утверждаютъ, будто этимъ означается, что псалмы эти должны были пѣть восьмой хоръ пѣвцовъ во время богослужебныхъ собраній, или же что ихъ играли на восьмиструнномъ музыкальномъ инструментѣ, — или же тономъ октавнымъ, напѣвомъ

низкимъ медленнымъ. Тѣже изъ толковниковъ, которые стараются вездѣ находить таинственный смыслъ, объясняютъ эту надпись такимъ образомъ: »Осмый не иное что значить, какъ день воскресенія Христова, въ который воспринимемъ плоды трудовъ своихъ, когда враги со стыдомъ и смятеніемъ возвратятся вспять« (Аѳанасія). Или: »Подъ именемъ осмого разумѣется день страшнаго суда Господня, иже будетъ осмый, понеже восполѣдуетъ по шести днехъ многотруднаго житія сего, и по седмомъ, иже есть суббота, сирѣчь упокоеніе душъ« (Ириней Псковскій).

Какое значеніе нужно соединить съ словами: *о точилыхъ* въ пс. 8. 80 и 83?

Такъ какъ въ русскомъ переводѣ псалтири, вмѣсто этихъ словъ, стоитъ: »на геѣскомъ *музыкальномъ орудіи*«, то слѣдуетъ сказать, что переводчики русской псалтири въ этомъ случаѣ слѣдуютъ мнѣнію ученыхъ толковниковъ, оставляющихъ безъ перевода еврейское слово (*гагиттитъ*) и думающихъ, что здѣсь разумѣется какое-то совершенно неизвѣстное музыкальное орудіе, или же хоръ пѣвцовъ геѣскихъ. Но вѣроятноѣ мнѣніе тѣхъ толковниковъ, которые, согласно съ греческимъ переводомъ, не оставляютъ безъ перевода еврейское слово и объясняютъ слово: *о точилыхъ* отчасти въ буквальномъ, отчасти въ таинственномъ смыслѣ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Писанія (Суд. 9, 27. Ис. 16, 8-10. Іер. 48, 33) видно, что евреи во время и послѣ собранія винограда, подобно другимъ народамъ, имѣли обычай пѣть пѣсни или празднественные гимны. Можетъ быть напѣвъ этихъ гимновъ или музыкальные инструменты и употребляли Давидъ, Асафъ и одинъ изъ сыновъ Кореевыхъ для выраженія своихъ пѣснопѣній къ Богу, Творцу природы и подателю земныхъ благъ. Быть можетъ даже эти самые псалмы пѣлись въ праздники новаго года и кущей по собраніи винограда и *точенія* его, выдавливанья,

выжиманья, въ особыхъ снарядахъ—*точилахъ*. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ псалмахъ съ надписаніемъ: *о точилыхъ* трудно найти намеки или какое-либо отношеніе къ такому дѣлу. По этому основательнѣе остановиться на объясненіи отеческомъ, по которому это надписаніе относится къ Церкви и Христу. Въ отношеніи къ Иисусу Христу надписаніе это имѣетъ особенное приложеніе, такъ какъ Онъ, по словамъ Исаіи, одинъ *топталъ точило* (62, 2. 3), удовлетворяя за людей правдѣ Божіей цѣпою своей брови, или отмщевая врагамъ Божіимъ, и въ Апокалипсисѣ мы дѣйствительно читаемъ, что *риза Его червена кровію* и что Онъ *топталъ точило, откуда течетъ вино ярости Божіей* (19, 13. 15. 14, 20). Это объясненіе самое естественное, такъ какъ пс. 8-й всецѣло относится къ Иисусу Христу.

А. О.

ИСТИННЫЕ ВСЕЛЕНСКІЕ СОБОРЫ ВЪ СОПОСТАВЛЕНІИ СЪ НЫНѢШНИМЪ МНИМО-ВСЕЛЕНСКИМЪ СОБОРОМЪ ВЪ РИМѢ

Одинадцать, разсмотрѣнныхъ нами ¹⁾, дѣяній св. вселенскаго шестаго собора продолжались отъ 4 ноября 680 г. по 18 марта 681 года по Р. Х. включительно. 20 марта открыто было двѣнадцатое засѣданіе собора. По прочтеніи актовъ прежняго засѣданія, собору предложены были для прочтенія и обсужденія присланныя отъ императора книги, которыя поданы ему были Макаріемъ* и остались непрочитанными. Въ первой изъ нихъ помѣщено было привѣтственное слово Макарія епископа антiохійскаго императору Константину. Но такъ какъ эта подложная рѣчь

¹⁾ См. № 47-й.

извѣстна уже была собору, то она и оставлена безъ прочтенія. При этой книгѣ была хартія, содержаніе которой нисколько не относилось къ предмету соборнаго разсужденія; поэтому и она не была дочитана до конца. Потомъ приступили къ чтенію книги, которая заключала посланіе Сергія, бывшаго патріарха константинопольскаго, къ Киру епископу фасидійскому и посланіе къ Вигилію, приписываемое ложно Минѣ патріарху константинопольскому. Но это посланіе, какъ извѣстно, соборъ призналъ подложнымъ еще въ третьемъ засѣданіи. Въ этой же книгѣ были переписаны 7-е и 8-е дѣянія пятаго вселенскаго собора, со включеніемъ извѣстнаго уже намъ подложнаго посланія Вигилія къ императору Іустиніану и августѣ Теодорѣ. Третья книга заключала въ себѣ посланіе Сергія патріарха константинопольскаго къ Гонорію папѣ римскому и отвѣтъ папы на это посланіе. Прочитавъ эти посланія св. соборъ велѣлъ принести изъ патріаршей бібліотеки переписку между Сергіемъ, Гоноріемъ, Киромъ и Софроніемъ для того, чтобы слѣдить ихъ съ посланіями, только-что прочитанными изъ книги Макарія. Выслушавши эту переписку, соборъ обѣщалъ сказать о ней свое сужденіе послѣ. Въ это же засѣданіе императорскіе сановники ходатайствовали предъ св. соборомъ, чтобы онъ пощадилъ Макарія и не снималъ съ него сана. Но это ходатайство, не смотря на то, что оно было высказано по желанію императора, какъ объявили о томъ сановники, не было уважено соборомъ. Св. отцы исчислили все зло, сдѣланное Макаріемъ Церкви и, указавъ явное и нераскаянное противленіе его истинному православному ученію, требовали, чтобы не только Макарій, но и всѣ его послѣдователи въ константинопольской и антїохійской областяхъ, имѣвшіе священныи санъ, были лишены оного. Тогда антїохійскіе епископы и елїрики заявили собору прошеніе о назначеніи имъ другаго патріарха.

Въ слѣдующемъ засѣданіи (13-мъ) св. соборъ призналъ посланія Сергія, Гонорія и Кира противными апостольскимъ догматамъ, опредѣленіямъ св. вселенскихъ соборовъ и ученію святыхъ отцевъ, и отвергнувъ оныя, осудилъ, какъ подлежащихъ анаѳемѣ, Кира, бывшаго патріарха александрійскаго, Сергія, Пирра, Павла и Петра, бывшихъ патріарховъ константинопольскихъ, Θεодора епископа Θаранскаго, равнымъ образомъ присудилъ анаѳематствовать римскаго папу Гонорія за то, что онъ слѣдовалъ лжеученію Сергія и утвердилъ нечестивыя догматы; Софроніевы же соборныя посланія призналъ православными и душеполезными, и имя его велѣлъ вписать въ церковныя дѣиствія. Но императорскіе сановники требовали, чтобы прежде, чѣмъ это опредѣленіе будетъ обнародовано, были представлены на соборъ и пересмотрѣны всѣ творенія лицъ, подвергавшихся осужденію собора, и чтобы самое опредѣленіе предварительно было представлено на утвержденіе императора. Напрасно св. отцы собора доказывали сановникамъ, что дѣло о еретичествѣ лицъ, осужденныхъ соборомъ, не требуетъ дальнѣйшихъ изслѣдованій; они должны были уступить настойчивости сановниковъ и въ четырнадцатомъ засѣданіи пересмотрѣли всѣ, какія оказались въ патріаршей библіотекѣ, сочиненія еретиковъ, и нашли ихъ не согласными съ православнымъ ученіемъ о двухъ воляхъ во Христѣ, а потому и повелѣли сжечь всѣ эти нечестивыя писанія. Затѣмъ приступили къ разслѣдованію о подложныхъ актахъ, внесенныхъ еретиками въ дѣянія нятаго вселенскаго собора. По указанію Макровія епископа селевійскаго найдены были самые переписчики этихъ актовъ. Это были монахъ Георгій и діаконовъ Сергій. Они показали, что посланія Минны и Вигилія были измыслены Стефаномъ ученикомъ Макарія. Выслушавши это показаніе, св. соборъ предалъ анаѳемѣ посланія, ложно приписанныя Минѣ, и Вигилію и ихъ составители, вмѣстѣ со

вѣми, которые слѣдуютъ лжеученію о единой волѣ во Христѣ. А для большаго утвержденія въ истинѣ православнаго ученія о двухъ воляхъ въ Иисусѣ Христѣ, по предложенію Θεодора епископа триміуитскаго, велѣлъ прочитать изъ старинной рукописи, привезенной имъ съ острова Кипра, отрывокъ изъ слова св. Аѳанасія александрійскаго на текстъ: *мынѣ душа моя возмутися*. При окончаніи этого засѣданія Дометій епископъ прузідскій объявилъ собору, что іеромонахъ Полихроній, преданный лжеученію Макарія и Стефана, ревностно распространяетъ оное между простецами. Соборъ велѣлъ позвать Полихронія къ допросу въ слѣдующемъ (15-мъ) засѣданіи.

Полихроній, призванный къ отвѣту, дерзко вызвался подтвердить свое исповѣданіе чудомъ. »Я докажу надъ мертвецомъ, сказалъ онъ, исповѣданіе свое, помолвившись за него, чтобы Сынъ Божій воскресилъ его; и если мертвецъ не воскреснетъ, то соборъ и императоръ властны сдѣлать со мною, что хотятъ«¹⁾. Хартію, которую онъ хотѣлъ возложить на мертвеца, и которая была запечатана, велѣли распечатать, чтобы Полихроній завѣрилъ, что она принадлежитъ ему, и—Полихроній призналъ, что писалъ эту хартію собственноручно. Это было посланіе къ императору, въ которомъ послѣ обращенія къ Константину, было написано: »я видѣлъ множество свѣтлыхъ мужей и посреди ихъ мужа, коего доблести не могу выразить. Онъ сказалъ мнѣ: такъ какъ императоръ сложилъ новое исповѣданіе вѣры, то поспѣши къ нему и скажи: не составляй новой вѣры и успокойся на ней. И когда я шелъ изъ Ираклеи въ Хризополь, то, остановившись часу въ седмомъ въ уединенномъ мѣстѣ, увидѣлъ ужаснаго свѣтоноснаго мужа, кото-

¹⁾ Concil General et prov. grace. et lat. Bini. Lat. Paris. M. DC. XXXVI an. tom. V. pag. 242.

рый сталъ передъ мною и сказалъ: кто не исповѣдуетъ одной воли и Богомужнаго дѣйствія, тотъ не христіанинъ. Когда я отвѣчалъ: и благочестивый императоръ Константинъ думаетъ также, что одна воля и Богомужное дѣйствіе; тогда онъ же сказалъ: это очень хорошо и богоугодно¹⁾. Синовики и члены собора, при многочисленномъ стеченіи народа, пошли къ общественной усыпальницѣ, именуемой Звѣсиппомъ и велѣли положить мертвеца на погребальныхъ носилкахъ, Полихроній положилъ на мертваго свое исповѣданіе и началъ шептать надъ нимъ молитвы. Наконецъ, не дождавшись, разумѣется, воскресенія мертвеца, Полихроній долженъ былъ сознаться, что не можетъ сдѣлать обѣщаннаго чуда. Народъ въ негодованіи воскликнулъ: новому Симону анаеме! Полихронію, оболстителю народа, анаеме!—Возвратившись въ Трулльскую палату, синовики и св. соборъ увѣщевали Полихронія признать двѣ воли во Христѣ; но онъ отвѣчалъ съ упорствомъ, что не признастъ другаго исповѣданія, кромѣ изложеннаго въ хартіи, которую онъ писалъ собственноручно. За такое ожесточенное противленіе св. Церкви соборъ опредѣлилъ: »Полихронія, какъ соблазнителя, обманщика и явнаго еретика, лишить священнаго сана«, и такимъ образомъ, низложивши его, анаематствовалъ вмѣстѣ съ Макаріемъ и Стефаномъ.

Въ шестнадцатомъ засѣданіи иѣкто Константинъ, который называлъ себя пресвитеромъ, просилъ дозволенія быть допущеннымъ на соборъ по дѣлу, касающемуся соборныхъ разсужденій. Онъ хотѣлъ примирить православное ученіе съ еретическимъ, но на допросѣ въ присутствіи собора оказался не только моноелитомъ, — даже манихеемъ; и — такъ какъ не хотѣлъ отступить отъ своихъ нечестивыхъ убѣжденій, былъ анаематствованъ и изгнанъ изъ собора. Тутъ же,

¹⁾ Ibidem.

не смотря на просьбу Георгія патріарха константинопольскаго, чтобы не были поимянно анафематствованы моноеселиты—прежніе патріархи константинопольскіе, святыи соборъ предалъ анафемѣ Ѳеодора еаранскаго, Сергія, Кира, Пирра, Павла и Петра константинопольскихъ, Гонорія папу римскаго, Макарія антиохійскаго и ученика его Стефана, Полихронія и Асперія перійскаго. Сановники императорскіе хотѣли продолжити еще изслѣдованіе о моноеселитахъ, но св. соборъ призналъ, что и сдѣланнаго доселѣ достаточно для того, чтобы въ слѣдующемъ засѣданіи приступить къ составленію соборнаго опредѣленія правой вѣры.

Это опредѣленіе и было провозглашено въ семнадцатомъ соборномъ дѣяніи.

Въ слѣдующее, послѣднее засѣданіе собора (18-е), которое происходило 16 сентября 681 года, прибылъ опять самъ императоръ Константинъ Погонатъ съ знаменитѣйшими сановниками. Первенствующій изъ нотаріусовъ архидіаконъ Стефанъ въ краткомъ привѣтствіи императору доложилъ о всемъ, что сдѣлано св. соборомъ въ отсутствіе его. Императоръ захотѣлъ выслушать соборное опредѣленіе, и оно было прочитано Агаѳономъ благоговѣйнымъ чтецомъ и нотаріусомъ Георгія патріарха константинопольскаго. Въ соборномъ опредѣленіи сначала утверждено ученіе прежнихъ пяти вселенскихъ соборовъ и повторенъ символъ вѣры никейско-константинопольскій, а затѣмъ изложенъ догматъ о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Догматъ этотъ въ «Книгѣ Правилъ» читается такъ: »И двѣ естественныя воли или хотѣнія въ Немъ (Іисусѣ Христѣ) и два естественныя дѣйствія, неразлучно, неизмѣнно, нераздѣльно, несліянно, по ученію св. отецъ нашихъ, такожде исповѣдуемъ: два же естественныя хотѣнія не противныя, да не будетъ, якоже нечестивіи еретицы рекоша, но Его человѣческое хотѣніе, послѣдующее и не

противостоящее, или противоборствующее, наче же и подчиняющееся Его божественному и всемогущему хотѣнію¹⁾. Въ заключеніе соборнаго опредѣленія изрекается анафема на всякаго, кто осмѣлился бы слагать другое исповѣданіе вѣры къ извращенію истиннаго ученія св. Церкви. Это опредѣленіе, подписанное всѣми отцами собора, по просьбѣ ихъ, утвердиль своею подписью и самъ императоръ.

Въ заключеніе соборныхъ засѣданій, съ соизволенія императора, произнесена была ему отъ лица всего собора рѣчь (*προσφωνητικὸς λόγος*), также подписанная всѣми членами собора.

Дѣянія и опредѣленіе шестаго св. вселенскаго собора императоръ утвердиль эдиктомъ, въ которомъ сначала излагаются основанія, на коихъ составлено опредѣленіе собора о двухъ воляхъ и двухъ дѣйствіяхъ во Христѣ, затѣмъ излагается самое соборное опредѣленіе въ слѣдующихъ, между прочимъ, выраженіяхъ: »православно понимая, исповѣдуемъ двѣ естественныя воли и два естественныя дѣйствія въ домостроительствѣ Воплощенія единого Пресвятыя Троицы, Господа нашего Иисуса Христа и мудрствовать такъ возвѣщаемъ симъ эдиктомъ всѣмъ любителямъ Христа²⁾. »И какъ вѣруемъ, что во Христѣ два естества, такъ проповѣдуемъ, что въ Немъ двѣ естественныя воли и два дѣйствія... Въ сей вѣрѣ мы живемъ и царствуемъ, соцарствующему намъ Богу. Сію вѣру мы желаемъ имѣть спутницею при смерти и съ нею предстать на судилище Христо-во³⁾. Въ заключеніе эдикта опредѣляются разныя гражданскія взысканія и наказанія противникамъ опредѣленія святаго шестаго вселенскаго собора.

¹⁾ Книг. Правилъ. Спб. 1843 г. стран. 4. ²⁾ Concil General. et province Græce. et Latin. ed. Binii Lutetia Paris M. DC. XXXVI. an. tom. V. pag. 294. ³⁾ Ibidem pag. 295.

При обзорѣніи сего св. собора, несомнѣнно вселенскаго, намъ представляются достойными замѣчанія, въ отношеніи къ настоящему мнимо-вселенскому собору въ Римѣ, два обстоятельства: 1) и на этомъ вселенскомъ соборѣ, какъ и на прежнихъ пяти, римскій первосвященникъ не былъ лично, а были только легаты, посланные не отъ одного папы, но отъ 125 епископовъ римскаго собора, давшего легатамъ и инструкцію для дѣйствій на соборѣ, и 2) на шестомъ вселенскомъ соборѣ, какъ бы въ пререканіе и въ опроверженіе исхристіанскаго догмата о непогрѣшимости римскаго папы, проповѣдуемаго нынѣшнимъ латинскимъ соборомъ, произнесено было обличеніе въ ереси и анаѳема вселенской Церкви одному изъ папъ, мнящихся быти непогрѣшимыми судіями въ дѣлахъ вѣры.

· К. Думитрашковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СТАРЫЕ ОБЫЧАИ И НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ¹⁾.

Еще большее непониманіе обрядовой стороны, созданной старою жизнію по вліянію Церкви, представляютъ современныя отношенія къ обстановкѣ одного изъ важнѣйшихъ дѣйствій въ жизни человѣка—бракосочетанія. Безсознательность, узкость пониманія, поразительная грубость чувствъ, оскорбительное презрѣніе къ тому, что для цѣлаго рода торжество и радость, желаніе брака, животная жажда обособленности—все это соединило наше время, чтобы противопоставить сознательности, широтѣ жизненнаго пониманія, высокой поэтичности обстановки, торжественному благоговѣнію предъ великимъ дѣломъ человѣческой жизни, свѣту

¹⁾ См. № 47—й.

чистую, безпорочную жизнь, силу и крѣпость бытія его и его будущаго потомства.

Начало новой жизни молодой четы радостно привѣтствуется всѣми родными и знакомыми, и старшими, и равными, и подчиненными. Смысль и сила простой, обычной формулы поздравленія новобрачныхъ не тѣсно и не узко вмѣщается въ этихъ двухъ простыхъ, просто звучащихъ словахъ: »съ законнымъ бракомъ!« Это краткое поздравленіе простирается на все, что приноситъ съ собою для жизни человѣка »законный бракъ«—на всѣ его блага, на всѣ его радости, на всѣ его добродѣтели, на всѣ его подвиги, на все его служеніе Церкви и человѣчеству, на все его значеніе для человѣка въ отдѣльности и для человѣчества. Въ наше время, когда бракъ совершается въ совершеннолѣтіи и предшествоется свободнымъ взаимнымъ расположеніемъ жениха и невесты, это поздравленіе простирается не на одно будущее, не на то только, что приноситъ съ собою для человѣка законный бракъ. Поздравленіе обращается и на то, что въ бракъ нашло для себя вѣнецъ и завершеніе. Въ немъ съ радостію привѣтствуется любовь—чистая, высокая, дерзновенная предъ лицомъ жизни, крѣпкая силою вѣры и вѣрности до смерти, святая святостію обязанностей, ею поражаемыхъ, — любовь, которая въ немъ вѣщается и запечатлѣвается, эта сила, цвѣтъ и законъ жизни. Въ каждомъ изъ новобрачныхъ привѣтствуется не только совершенно созрѣвшій виѣшній человѣкъ, но и нравственно готовый къ служенію жизни членъ человѣчества, новый, бодрый и свѣжій дѣятель и труженикъ не только въ естественномъ, но и въ нравственно-духовномъ развитіи человѣческаго рода,—новая крѣпкая сила, способная понести на себѣ тяготы жизни, совершить труды, какихъ отъ него потребуетъ вѣрное, преданное служеніе и естественно, и духовно-нравственному развитію рода,—привѣтствуетъ

ся новое звѣно, вещественно и духовно связующее человѣ-
ческія помысли, силное служить къ сгруппированію этой вѣу-
 ной связи человѣка, грядущаго въ міръ, съ цѣлымъ чело-
 вѣчествомъ,—словомъ, привѣтствуется человѣкъ, успѣвшій
 въ пору воспитанія нравственно приготовить себя къ этому
 священному служенію челоѣчеству, запастись силами ду-
 ха, сознать себя настолько, чтобы достойно занять свое
 мѣсто въ кірѣ челоѣческомъ, уразумѣвшій свою жизнен-
 ную задачу и призваніе—и съ этимъ озареніемъ духа всту-
 пившій на трудный путь жизни рода...

Съ такимъ простымъ, но многозначащимъ привѣтомъ
 «съ законнымъ бракомъ» обращаются къ новобрачнымъ,
 когда, начавъ свою новую жизнь, они спѣшатъ примкнуть
 къ жизни остальнаго рода, завязать съ нимъ сношенія и
 связать съ нимъ свое дальнѣйшее существованіе, и съ
 этою цѣлью немедленно посѣщаютъ родителей, родныхъ и
 знакомыхъ. Это—первое свидѣтельство ихъ искренняго обще-
 нія съ родомъ, столь для него отрадное; это—первые шаги
 ихъ на пути рода, гдѣ столь необходимы для жизни отдѣль-
 ныхъ лицъ взаимное участіе, взаимныя услуги и раздѣль
 жизненныхъ наблюденій, опытовъ и совѣтовъ, гдѣ въ той
 мѣрѣ ослабляется жизнь и энергія отдѣльныхъ лицъ, въ
 какой мѣрѣ ослабѣваетъ союзъ истиной челоѣчности
 и общительности между членами рода. Таковъ, а не иной
 смыслъ тѣхъ визитовъ, которые почитаютъ новобрачные
 своимъ долгомъ въ первые-же дни супружеской жизни.

Таковы тѣ чудныя истинно-челоѣчныя формы, кото-
 рыми христіанское общество, руководимое ученіемъ Церкви,
 такъ поэтично и вполне жизненно обставляетъ одно изъ
 важнѣйшихъ событій въ жизни челоѣка. Во многомъ одно-
 сторонняя, ограниченная, тѣсная и темная, жизнь стараго
 времени въ жизненную постановку семьи, какъ истинной
 и прочной основы рода, вложила всю свою душу и выра-

и братства, полнаго участія. Какая поэзія не отвлеченія, *а поэзія истинной жизни во всемъ этомъ трогательномъ* дѣйствиі проводовъ молодыхъ въ храмъ Божій на вѣнчанье!...

Если такъ поэтически-жизненно приготовленіе къ вѣнчанью, то само вѣнчанье—это такое чудное сочетаніе священной поэзіи и правды жизни, которое могло только-не быть создано, не устроено, а истечь изъ глубины человѣческой мысли, усвоившей возвышенный взглядъ православной Церкви на семью и ея призваніе и понявшей истинное значеніе брака. Церковь и родъ совмѣстно окружаютъ особенною торжественностью это священное дѣйствіе. Церковь таинство брака совершаетъ въ св. храмѣ, въ присутствіи общества вѣрующихъ, которые приглашаются ею къ молитвѣ о ниспосланіи небеснаго благословенія на молодую чету. Много глубокаго смысла кроется въ этомъ общенародномъ совершеніи вѣнчанья. Церковь освящаетъ своею молитвою и благословеніемъ то, чѣмъ создается не какое-либо частное благо, удовлетворяется не какая-либо частная правая воля, правая потребность, но въ чемъ весь человѣческій родъ находитъ свое благо, свои коренныя основы и залогъ своего бытія—семью и ея жизнь, чѣмъ удовлетворяется существенная потребность всего рода, и потому, молитва ея—молитва всего рода, священные желанія ея—желанія рода, который устами ея испрашиваетъ у Отца людей новой четѣ святыя благословенія рода. Это молится родъ, а не отдѣльные люди, и молится Отцу всякаго созданія, да благость Его продлитъ въ жизни и чрезъ жизнь новой четы существованіе рода и направить его по Своимъ святымъ законамъ и указаніямъ къ конечной цѣли разумаго бытія. Молодую чету окружаютъ дѣвицы, бывшія подруги невѣсты, одѣтыя во все бѣлое, и молодые люди, тутъ-же между ними и дѣти. Это тѣ возрасты и прожитыя состоянія, въ которыхъ она развивалась въ средѣ рода, готовясь къ разум-

ному служенію ему. Это лучшіе чистѣйшіе члены рода, которые собрались на праздникъ рода и украшаютъ его своимъ присутствіемъ, раздѣляя съ нимъ и молодой четой радости свѣтлаго дня въ его жизни. Для жениха и невѣсты это живое напоминаніе Божіихъ благодѣяній, — воспитанія, здоровья, свѣтлыхъ радостей юности, чистыхъ удовольствій чистаго сердца. Впереди аналоя, по обѣимъ сторонамъ, предъ св. алтаремъ, стоятъ двое дѣтей и держатъ каждое по св. иконѣ благословенія. Это — прообразы того будущаго потомства, которому новая чета должна даровать жизнь и — воспитать, воспитать и возжечь въ его сердцѣ тѣ св. истинны вѣры и небеснаго призванія, тѣ св. чаянія жизни и завѣты любви, тотъ божественный духъ, символомъ котораго служатъ св. иконы, которыя дѣти, держа въ рукахъ, прижимаютъ къ своей груди. Въ образѣ этихъ милыхъ дѣтей предстоить теперь новой четѣ не только потомство естественнаго рода: это — дѣти св. Церкви, исповѣдники ея святыхъ истинъ, носители божественнаго духа въ человечествѣ, которыхъ будущіе родители воспитаютъ въ своемъ естественномъ потомствѣ.

Среди такой торжественно-священной обстановки совершается Церковью священнодѣйствіе вѣчанья. Въ такихъ достойныхъ образахъ выражается все торжественно-жизненное значеніе этихъ святыхъ минутъ, когда жизнь рода и духъ Церкви въ чудной гармоніи свидѣлствуютъ и молитвою, и праздникомъ, что такое долженъ быть бракъ въ человечествѣ.

Съ св. иконами встрѣчаютъ новобрачныхъ по пріѣздѣ изъ церкви и послѣ брачнаго пиршества — ли или скромнаго собранія, смотря по средствамъ семейства, провожаютъ въ домъ жениха, вручая имъ тѣ же св. иконы, какъ преемственное благословеніе стараго рода, обязующаго новый сохрानить священное достояніе родовъ, св. вѣру въ Бога и

и сіянію истинной человѣчности, съ какими было поставлено бракосочетаніе въ презираемой нашимъ вѣкомъ старинѣ просвѣтительнымъ дѣйствіемъ высокихъ идей Церкви.

Мы не касаемся здѣсь обычаевъ и обстановки бракосочетанія у простаго народа, символически выражающихъ его міровоззрѣніе, его понятіе о зависимости женщины, объ отношеніяхъ родителей брачующихся и т. под. Не цѣль наша разбирать всѣ обычаи, которыхъ придерживаются при вѣнчаньи и изъ которыхъ каждый выражаетъ символически какую-либо мысль, какое-либо доброе желаніе, какую-либо суевѣрную попытку отвратить грядущее горе и проч. Остановимся только на такихъ обычныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ выразилось старою жизнію существенное значеніе вѣнчанья, и посмотримъ, насколько наше время вынуждаетъ въ глубокую мысль обрядовой стороны священнодѣйствія таинства брака.

По взгляду народа бракосочетаніе—»судъ Божій«: это дѣйствіе свободной воли человѣка, которому совершиться въ жизни его суждено, определено Богомъ,—и какъ-бы ни тяжело былъ подвигъ семейной жизни, не человѣку противиться »суду Божию«. таковы вѣчные законы жизни, и преступить ихъ онъ не можетъ, не разбивая своего собственного счастья и блага всего рода, которыя охраняются этимъ благотворнымъ »судомъ Божиимъ«. У народа нѣтъ понятія объ эманципаціи, объ уклоненіи отъ »суда Божія«, опредѣляющаго жизнь цѣлаго рода, для того только, чтобы, живя произволомъ страсти, не нести на себѣ никакихъ обязанностей рода; у народа нѣтъ наклонности обходить такимъ образомъ »судъ Божій«. »Судъ Божій«—и со стороны человѣка смиреніе, покорность опредѣленію Божию, благоговѣніе предъ закономъ Божиимъ и... тяжелый трудъ жизни для поддержанія семьи, и заботы и свою семью связать съ родомъ, и затѣмъ уже успокоеніе въ старости въ

честномъ сознаніи исполненной задачи жизни—не для себя, а для рода, по закону Божію. Въ такомъ глубокомъ значеніи бракосочетанія почерпають свой смыслъ и обычные дѣйствія, которыми его окружають семья и родъ. Именно, нужно знать глубокій смыслъ священнаго вѣнчанья и его семейно-обычной стороны, чтобы понять все безобразіе искаженія его въ наше время и проникнуться глубокою скорбію объ обществѣ, въ которомъ возможны такіа отношенія и къ священнодѣйствию Церкви, и къ тѣмъ прекраснымъ обычаямъ, которыми обставила его старая жизнь.

Вѣнчанью предшествуетъ обрядъ благословенія жениха и невѣсты, которое преподають имъ родители, или, если у жениха или невѣсты нѣтъ родителей въ живыхъ, то *отецъ и мать*, такъ называемые, *посаженые*, изъ среды родныхъ или знакомыхъ. Посаженые отецъ и мать, по обычаю, замѣняютъ родителей. Но не въ этой замѣнѣ истинный смыслъ приглашенія посаженныхъ для благословенія. Если нѣтъ у брачующихся родителей, нужно же кому нибудь благословить ихъ на новую жизнь. Благословеніе это имѣетъ глубокій смыслъ. Новая чета, принадлежа къ роду, стоитъ теперь предъ его лицомъ, какъ будущіе родоначальники новаго рода. Въ ней совершается связь стараго и новаго поколѣнія. Ея призваніе и назначеніе продолжать родъ и, продолжая, его духовно совершенствовать. Она вступаетъ на путь рода, принимаетъ на себя и его трудныя и великія задачи. Ей предстоятъ не одни радости и свѣтлые дни, но, можетъ быть, и тяжелая борьба за нормальную жизнь рода. Ей предстоятъ испытанія всей жизни въ ея стремленіи служить благу и развитію рода. Ея подвигъ можетъ парализоваться враждебнымъ воздѣйствіемъ силъ, непріязненныхъ процвѣтанію рода. Ея энергія можетъ ослабѣть отъ постоянного напряженія. Она можетъ спутаться и сбиться въ стремленіи къ однажды сознанной цѣли. Ей, можетъ

быть, предстоит видѣть бѣдствія рода, мучиться его несчастіями, быть свидѣтелемъ его изнеможенія и, пожалуй, схоронить въ могилу свои лучшія надежды, свое потомство. Самая ея жизнь можетъ угаснуть прежде, нежели возникнетъ отъ нея родъ и духовно, и физически окрѣпнетъ... И вотъ родъ, выдѣляя изъ своей среды членовъ для новой жизни и поставляя ихъ на новый путь, принодаетъ имъ торжественно свое *родовое благословеніе* въ лицѣ членовъ, уже послужившихъ развитію рода. Своимъ благословеніемъ онъ, въ лицѣ родоначальниковъ, вводитъ новую чету въ служеніе роду и передаетъ ей преемственно призваніе, которому должна быть посвящена ея жизнь. И родовое благословеніе знаменуется священными символами той хранительной силы, которая соединяетъ роды съ родами самымъ могучимъ союзомъ вѣры, любви и упованія, которая животворитъ родъ, укрѣпляетъ и спасаетъ. Молодыхъ въ знакъ благословенія осѣняютъ св. изображеніями Спасителя и Его Пречистой Матери. Св. иконы—это именно символъ той небесной силы, на которой должны основаться истинное счастье и утвердиться жизнь будущаго рода, къ которой будущая семья должна обращаться и въ дни радости, и въ дни скорби, въ которой должны искать для себя помощи, и покровительства, и просвѣщенія, и вразумленія будущіе родоначальники въ своемъ служеніи великимъ цѣлямъ жизни. Это—свидѣтели тѣхъ святыхъ желаній, и чувствованій, и намѣреній, которыя наполняютъ сердце новобрачныхъ въ эти торжественныя минуты семейнаго праздника. Предъ этими священными ликами проливались благодарныя слезы умиленія родителей за юную жизнь, сохраненную для участія въ общей жизни человѣчества и въ его жизненныхъ задачахъ и цѣляхъ, слезы дѣтей—съ сердечною мольбою къ Богу Спасителю, Покровителю, Умудрителю и Путеводителю ихъ на жизненномъ поприщѣ. Св. лики эти будутъ свидѣтелями

и брачныхъ обѣтовъ, которые принесетъ чета предъ св. алтаремъ, предъ Богомъ и людьми. Въ дни, когда обѣты эти, пожалуй, поколеблются, когда возникнуть семейныя разногласія и нарушится взаимная любовь и миръ, когда духъ зла и нестроения станетъ сѣять поводы къ взаимному огорченію—въ эти мрачные дни взгляды, обращенныя на эти св. иконы, на этихъ безмолвныхъ свидѣтелей, не внушатъ-ли душѣ оскорбляемой терпѣнія и всецѣлой любви, не смиритъ-ли душу оскорбляющую предъ святымъ воспоминаніемъ о дняхъ, когда миръ и единство были жизнію душъ, обрекавшихъ себя на взаимное снисхожденіе, любовь и всепрощеніе? А въ тѣ дни скорби, когда родительское сердце, угнетаемое болѣзнями, будетъ терзаться муками объ участи дѣтей, отъ которыхъ смерть можетъ отнять родительскія любовь и попеченіе, взгляды на эти св. иконы не прольетъ-ли успокоеніе въ скорбную душу и не вызоветъ-ли въ ней полное упованіе на Отца небснаго? не доверятъ-ли предъ этими св. ликами умирающіе отецъ или мать своихъ дѣтей Богу, какъ Его даръ, Его достоиніе, Его дѣтей?...

Въ эти торжественныя минуты, когда вся семья, всѣ родные и знакомые, ~~предстоятъ съ благоговѣющимъ чувствомъ~~ и окружаютъ жениха и невесту, когда эти послѣдніе ~~колѣнопреклоненные~~ принимаютъ ~~родительское благословеніе~~, когда надъ ихъ главою возносятся руки представителей рода, и на св. иконы устремляются ихъ увлажненные слезами взоры... сколько высокихъ, трогających чувствъ, сколько умиленія, возвышающаго душу, сколько облагораживающаго человѣческую природу отрѣшенія отъ земли, сколько любви и участія въ душахъ этой горсти людей, собравшейся обратиться въ свѣтлое торжество и праздникъ всего рода то, что бѣсается, по видимому, только жизни этихъ двухъ лицъ, но что по существу своему не можетъ не возбуждать въ членахъ рода, просвѣщеннаго христіанскимъ началомъ любви

торую праздничною обстановкою дня вѣнчанья, — не прочь они видѣть и невѣсту въ подвѣнечномъ нарядѣ; но пусть все это будетъ въ четырехъ стѣнахъ дома, а не въ церкви, предъ лицомъ всего общества. И только съ ожесточеніемъ уступая старымъ порядкамъ, они рѣшаются подвергнуться этой неминуемой пыткѣ, пройти сквозь эти тѣсныя врата ради ожидаемаго счастія. И, дѣйствительно, когда они станутъ предъ аналоемъ и начнется священнодѣйствіе, жалко тогда на нихъ смотрѣть; точно жертвы заклелія приведены они въ храмъ Божій: такъ все чуждо имъ изъ того, что совершается, такъ все приводитъ ихъ въ смущеніе, такъ ко всему они относятся не только равнодушно, но презрительно... Именно все это для нихъ пытка!... А за церковною пыткой еще предстоитъ имъ новая пытка среди любезнаго рода, усердствующаго, поздравляющаго, празднующаго, радующагося... зачѣмъ и чему?... будто собственной радости, собственному счастію... Но пусть себѣ родъ веселится, если это ему нравится, а новые люди, не простясь ни съ кѣмъ, не взявъ даже св. иконъ благословенія, старыхъ боговъ старыхъ людей, ускользаютъ изъ собранія, чтобы скорѣе свѣстаться съ родомъ въ своей личной жизни. Не ожидая ихъ скоро оттуда родители, друзья и знакомые: они не поспѣваютъ немедленно съ родомъ отношенія, войти поскорѣе въ его общую жизнь, слиться съ нимъ въ единствѣ духа, въ единомысленномъ пониманіи задачъ и цѣлей жизни... Развѣ родители вытаскиваютъ ихъ невольно оттуда и вынуждаютъ ихъ сдѣлать себѣ обычный визитъ... Можетъ ли рѣшительнѣе разрываться связь отдѣльных лицъ съ человѣчествомъ и съ его вѣчно оживляющею силою, Церковью?...

Этою-то животною обособленностію личности, этою жалкою претензіею на свободу и самостоятельность дѣйствій внѣ всякихъ ограниченій, внѣ союза, особенно искренняго, съ кѣмъ-либо, внѣ всякихъ будто-бы принудитель-

ныхъ отношеній пресмства и обязанности, и объясняется, отчего новые люди такъ тяготеютъ праздничною обстановкою дня вѣнчанья, отчего негодуютъ и на эту шумную и многоуственную молву, которая незванно, непрошено разглашаетъ объ ихъ помолвкѣ, на эту огласку дѣла, по видимому, ихъ лично касающуюся и... на эту выставку ихъ любви на позорище толпы, и въ негодованіи не находятъ словъ, чтобы достаточно выразить свое презрѣніе къ Церкви, торжественно устраивающей всю эту тяжелую для нихъ пытку, и непременно въ св. храмѣ. Но старымъ людямъ нечего бояться за Церковь! Гнѣвъ и негодованіе новыхъ людей на отношеніе Церкви къ бракосочетанію не могутъ ослабить и поколебать ея положенія въ средѣ человѣчества. Какъ тѣни служатъ къ усиленію свѣта на полѣ картины, такъ и эти непріязненные крики, требующіе ограниченія священнодѣйствія вѣнчанья только въ кругу интересовъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, требующіе разрыва живой связи рода стараго съ только что начинающеюся семьей, — эти заботы обособленія и возможнаго разобщенія съ человѣчествомъ, — эти требованія мрака и тайны для самаго свѣтлаго и отраднаго явленія въ жизни рода... не отгнѣнаетъ ли все это мрачное, узкое и грубое міровоззрѣніе свѣтлый образъ Церкви Христовой, которая по самому существу своихъ отношеній къ человѣчеству, истекающихъ изъ самой глубины человѣческой природы, всегда, отъ самаго начала, стояла на почвѣ истинно человѣческаго воззрѣнія на его жизненные отношенія и, стоя во главѣ родовъ, всегда представляла предъ нимъ свѣтлый идеалъ общечеловѣческой жизни, возбуждала въ его сознаніи обязательное признаніе общности самыхъ жизненныхъ интересовъ отдѣльной личности съ интересами всего человѣчества? Когда худшія стороны человѣческой природы, когда себялюбивыя чувства человѣка ищутъ избѣжать общенія съ великимъ міромъ че-

ловѣчества, ищутъ уединиться и скрыться въ личной жизни, и заботы человѣка направляются на то, что обстоитъ и окружаетъ его, когда человѣку предстоить опасность, повернувшись спиной къ роду, остаться особнякомъ среди чело- вѣчества и, разорвавъ все живыя связи съ нимъ, обречь себя на животную обособленность.—Церковь своими священ- нодѣйствіями старается удержать его на пути рода, извлечь его изъ грубой оболочки себялюбія и сплотить этотъ отдѣ- лившійся членъ съ цѣлымъ челоѣчествомъ, влить въ его охладѣвающую жизнь теплоту божественнаго духа любви и бѣратства, исторгнуть его изъ животнаго существованія и сдѣлать изъ него человѣка въ истинномъ смыслѣ,—человѣка, котораго сердце билось бы однимъ пульсомъ съ челоѣчес- твомъ, радовалось бы его радостями, плакало бы его сле- замъ, которому не было бы чуждо ничто челоѣческое.

(Продолженіе будетъ).

НОВЫЯ КНИГИ ВЪ РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ ¹⁾).

2) *Руководство для сельскихъ учителей*, съ при- ложеніемъ образцовыхъ уроковъ по русскому языку, родно- вѣденію, отечествовѣденію, естествовѣденію, ариметикѣ и чистописанію. И. Бѣлова. С.-Петербургъ. 1869. ²⁾).

Г. Бѣловъ давно уже извѣстенъ въ нашей педагогиче- ской литературѣ какъ авторъ многихъ дѣльныхъ статей, какъ педагогъ, съ знаніемъ дѣла, съ любовью и теплымъ

¹⁾ См. № 45-й. ²⁾ Продается въ С.-Петербургѣ въ книж- номъ магазинѣ Я. Цакова (гостиницый дворъ № 24). Цѣна первой части 75 к. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народ- наго просвѣщенія, какъ полезное руководство для сельскихъ учи- телей.

чувствомъ относящійся къ своему спеціальному предмету. И настоящій его трудъ—»Руководство для сельскихъ учителей«—вполнѣ заслуживаетъ вниманія какъ по цѣли и выполнению, такъ по характеру, направленію и изложенію его.

»Для всякаго сельскаго учителя, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, лишеннаго возможности слышать, видѣть и читать то, что ему, какъ учителю, слѣдуетъ слышать, видѣть и читать по вопросамъ воспитанія и обученія дѣтей, составляетъ дѣло величайшей важности пріобрѣсти руководство, въ которомъ были бы соединены въ одно цѣлое всѣ главные, существенные *педагогическіе* и *дидактическіе* вопросы, т. е. все, за что должна держаться, чѣмъ должна руководиться воспитательная и учебная дѣятельность учителя«. Сознаніемъ необходимости такого руководства и опредѣляется цѣль труда г. Бѣлова. Цѣль ясная и широкая. Авторъ понимаетъ сельскаго учителя не только какъ преподавателя наукъ, но и какъ воспитателя; поэтому и руководить его желаетъ не только въ томъ, какъ обучать, но и какъ воспитывать. Въ первыхъ главахъ своего »Руководства« гдѣ рѣчь идетъ о внѣшней сторонѣ школьной жизни, т. е. объ училищѣ съ его чистотой и порядкомъ, съ его принадлежностями, авторъ предлагаетъ дѣльные совѣты учителю, какъ ему располагать дѣтей къ наблюденію за порядкомъ въ школѣ, чистотою училищнаго дома, какъ дѣйствовать на родителей учениковъ, чтобы они заботились о чистотѣ одежды своихъ дѣтей, какъ приучить учениковъ къ заведенному разъ навсегда порядку: при входѣ въ школу перемѣнять обувь, умывать лице и руки, класть одежду, книги и другія вещи постоянно на мѣстахъ, для нихъ отведенныхъ, какъ распредѣлять между учениками обязанности наблюденія за тѣмъ, чтобы всѣ распоряженія учителя исполнялись въ точности, безъ плачевныхъ результатовъ для тѣхъ изъ нихъ, кому будутъ

рода и Церкви, его укрѣпившей; заѣсь что ни притязаніе на разумность и смыслъ, то подконъ подъ крѣпкій союзъ Церкви и человѣчества, чрезъ роды родовъ скрѣпившій отдѣльныя семьи со всеѣмъ человѣчествомъ въ духѣ единенія и единодушно-благодарнаго пользованія дарами Начальника жизни. »Зачѣмъ эта торжественность обряда? Отчего-бы не перевѣнчать молодыхъ дома, безъ всякаго шума, безъ этой огласки, безъ выставки ихъ предъ обществомъ? Къ чему это убранство невѣсты?.. Къ чему вообще вся эта праздничность?.. И не оскорбленіе-ли это тайны любви-выставлять ее на позорище толпы? Не пытка-ли это и не посягательство-ли на личную свободу приводить молодыхъ въ церковь и тутъ предъ всеѣмъ требовать отъ нихъ торжественныхъ обѣтовъ въ любви?.. Зачѣмъ и кому нужно мѣшаться въ жизнь молодыхъ?» и пр. и пр. Какое отталкивающее отчужденіе, какая узкость пониманія жизни, какая грубая прозаичность скрываются въ подобныхъ притязаніяхъ недовольныхъ и досадующихъ на старину новыхъ людей! Родъ окружаетъ торжественностью священнодѣйствіе Церкви, которымъ знаменуется продолжающееся въ жизни человѣчества благословеніе Творца, нымѣ освящающее союзъ новой четы, этого новаго звѣна въ ряду родовъ, и празднуетъ это событіе не какъ частное чье-либо дѣйствіе и чье-либо благо, а какъ дѣйствіе, проявляющее въ себѣ жизнь рода, какъ благо жизни всего рода. А новымъ людямъ хотѣлось бы отдѣлаться отъ этой торжественности; хотѣлось бы свести бракосочетаніе съ высоты его общечеловѣческаго значенія на почву грубой дѣйствительности, лишить его значенія какого-то особеннаго, необычнаго праздничнаго дѣйствія и сдѣлать изъ него простое и обыденное явленіе въ своей жизни. Они готовы на этотъ разъ строго судить непронизительность расходовъ даже на убранство невѣсты, хотѣли бы видѣть ее въ обычномъ нарядѣ, который ничѣмъ не напо-

миналъ бы ей о томъ, что теперь совершается нѣчто необыкновенное въ ея жизни, нѣчто отличное отъ ея появленія на вечеръ, на зрѣлище, нѣчто долженствующее измѣнить ея жизнь, нѣчто способное обратить эту жизнь къ какой-то высокой цѣли и призванію. И, заявляя такое требованіе, они не замѣчаютъ, что имъ обнаруживается поразительная жесткость сердца и безчувствіе относительно даже женщины. Для нея день вѣнчанья, быть можетъ, единственный день, когда она можетъ явиться предъ людьми во всей своей дѣвственной красотѣ и быть предметомъ общаго вниманія, общаго сочувствія и радости. Это по преимуществу ея праздникъ, за которымъ послѣдуетъ скромная, невидная жизнь хозяйки и матери семейства, жизнь трудовъ и, конечно, радостей, самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ, но у колыбели своего младенца, у учебнаго стола своихъ дѣтей... И родъ хочетъ, чтобы день вѣнчанья былъ для нея именно днемъ памятнаго на всю жизнь праздника; онъ сознаетъ все ея великое значеніе для своей жизни, онъ предвидитъ всѣ ея жертвы для своего развитія, всю тяготу ея священныхъ обязанностей матери и воспитательницы рода, всѣ тѣ слезы и душевныя тревоги, всю ту далеко непродлинную жизнь, изъ которой истекаетъ благо всего рода и хочетъ выразить свое глубокое уваженіе къ женщинѣ, будущей родительницѣ, представляя ее Церкви, какъ свое лучшее украшеніе, какъ свою лучшую радость... Тагъ-ли смотрятъ на женщину новые люди, когда и день вѣнчанья имъ не хочется отличить чѣмъ-либо отъ всякаго другаго, будничнаго дня суеты и заботъ? Они готовы бы сгладить всякую праздничную черту съ этого дня, смѣшать это событіе и скрыть въ обычномъ теченіи жизни,—и вотъ они даже нѣшкомъ отправляются въ церковь на вѣчанье... чтобы все было за-урядъ...

Впрочемъ, новые люди, пожалуй, помирятся съ нѣко-

жилась въ ней со всею возвышенностью пониманія великаго общечеловѣческаго значенія брака. Шире, свободнѣе, свѣтлѣе, благороднѣе, возвышеннѣе, поэтичнѣе и нельзя выразить въ самой жизни святую идею христіанскаго брака! Эти прекрасныя формы и это высокое содержаніе — лучшее наслѣдіе, какое оставила намъ почтенная старина.

Посмотримъ-же, что сдѣлали и дѣлаютъ и съ этими формами, и съ этимъ содержаніемъ люди новаго времени.

Прежде всего уже многіе весьма смутно представляютъ себѣ обычай благословенія новобрачныхъ. И оттого, въ случаѣ отсутствія родителей, вмѣсто того, чтобы обращаться съ просьбою благословить къ лицамъ, уже вступившимъ въ супружество, и, слѣдов. уже могущимъ считаться за представителей рода, весьма часто просятъ быть посаженными людей неженатыхъ, незамужнихъ, — правда, живущихъ въ родѣ, но подъ кровомъ рода, а не во главѣ его. Эти люди, пожалуй, могутъ передать св. иконы изъ рукъ въ руки, могутъ исполнить виѣшнее дѣйствіе; но это вовсе не будетъ благословеніе старика-рода новому роду; это вовсе не будетъ имѣть значенія символически — заветной и преемственной передачи новому роду и съ нимъ новому поколѣнію того, что составляло унаслѣдованное отъ прежнихъ родовъ достояніе рода; это вовсе не будетъ символическимъ знаменованіемъ той живой нравственно-духовной связи и тѣхъ обѣтовъ, которые должны соединять новый родъ съ старымъ и которые вмѣстѣ съ св. изображеніями какъ-бы передаются членами стараго рода членамъ новаго съ рукъ на руки. Все это духовное значеніе обычая благословенія совершенно ускользаетъ изъ представленія новыхъ людей, когда они приглашаютъ людей неженатыхъ и незамужнихъ быть посаженными отцемъ и матерью. Тогда остается пустая безсодержательная форма, и послѣ этого неудивительно, что она и признается за таковую, а потому и считается

лишнимъ бременемъ, ненужнымъ персонажемъ въ той драмѣ, какая должна разыгратъ, какъ прелюдія, неизбѣжная для брачущихся. Неудивительно поэтому и то, что въ литературѣ появляются рассказы и повѣсти, гдѣ бракосочетаніе уже обходится безъ всей этой торжественной обстановки рода, отпускающаго изъ себя новую чету, безъ всего этого дня волненій душевныхъ и чувствъ священныхъ, и ощущеній необычайныхъ, и всего того, что такъ поднимаетъ челоуѣка надъ землею съ ея суетою, съ ея грубою и прозаичною дѣйствительностью. Не удивительно поэтому и то, что новые люди, получившіе образованіе и школьное, и книжное, и въ благословеніи св. иконами видятъ только стариковское ханжество, смѣются надъ стариною, и съ нескрываемою досадою переносятъ причуды старыхъ людей, которые любятъ всюду соваться съ своими богами.

Въ такомъ взглядѣ новыхъ людей можно-ли видѣть сознательное отношеніе не только къ священнымъ обычаямъ, завѣщаннымъ стариною, но и къ тому, что выражается въ такихъ прекрасныхъ виѣшнихъ формахъ? Новые люди, еще только вступая на путь рода, уже презрительно заявляютъ, что они не признаютъ связи и солидарности съ старымъ родомъ, что они считаютъ себя свободными отъ преемства и наслѣдія отъ него его вѣковѣчныхъ завѣтовъ жизни, что не обязываютъ себя и хранить святое наслѣдіе рода—духъ, его животворившій, св. вѣру, его питавшую и руководившую, а потому и не принимаютъ отъ него даже символическихъ знаковъ этого святаго общенія—его *родового* благословенія!

Не ожидать же отъ нихъ лучшаго отношенія, болѣе разумнаго, болѣе просвѣщеннаго, и къ поэтически-жизненной обстановкѣ самаго священнодѣйствія вѣщанья. Здѣсь что ни требованіе со стороны такихъ людей, то пренебреженіе къ завѣтамъ рода и оскорбленіе священнаго значенія

поручаемы эти обязанности, какъ располагать дѣтей къ тому, чтобы они дѣлали для школы своими руками все, что возможно и т. д. Въ слѣдующихъ, затѣмъ, главахъ авторъ обращаетъ вниманіе сельскаго учителя на то, что въ природѣ русскаго человѣка лежитъ великая склонность вообще жить на родимос-авось, небось и какъ нибудь, и предлагаетъ прекрасные совѣты, что и какъ дѣлать учителю, чтобы исправить это зло природы русскаго человѣка въ дѣтяхъ; касается вопроса объ участіи учителя въ дѣлѣ воспитанія истинно-религіознаго чувства въ дѣтяхъ и положительно утверждаетъ, что путемъ религіи, проповѣдующей искреннюю любовь къ человѣчеству, всего вѣрнѣе можно достигнуть конечной цѣли воспитанія, и наконецъ обстоятельно рѣшаетъ вопросъ, какова должна быть школьная дисциплина, или иначе, какими мѣрами учитель долженъ сдерживать дѣтей, т. е. въ какой степени и какія наказанія могутъ быть допускаемы. Изъ этого краткаго перечня педагогическихъ вопросовъ, рѣшенію которыхъ авторъ посвящаетъ свой трудъ ясно видно, что онъ касается и физическаго и духовнаго воспитанія дѣтей-въ школѣ. Правда, что онъ касается предмета о воспитаніи не во всей его полнотѣ и широтѣ, но существенное и самое необходимое при воспитаніи нашихъ сельскихъ школьниковъ онъ уясняетъ достаточно. И за это нужно быть ему благодарнымъ. Не все съ разу; лучше по немпогу будемъ учиться великому дѣлу воспитанія да прочно, нежели хвататься за все и теряться въ массѣ разнородныхъ свѣденій и не умѣть приложить ихъ къ дѣлу.

Каковъ характеръ и направленіе разсматриваемаго нами сочиненія? При добросовѣстномъ и точномъ выполненіи избранной задачи трудъ г. Бѣлова отличается направленіемъ практически-благоразумнымъ, въ которомъ повсюду видно желаніе автора соединить практическій реализмъ съ тѣмъ

идеализмомъ нравственныхъ стремленій, безъ которыхъ не мыслимо никакое воспитаніе. Онъ, подобно барону Н. А. Керфу, педагогъ не теоретикъ только, но и практикъ. Ему близко знакомы и сельская жизнь и сельская школа. При рѣшеніи дидактическихъ и особенно педагогическихъ вопросовъ онъ не вращается въ области психологій и другихъ вспомогательныхъ наукъ педагогики, а прямо разбираетъ дѣло на основаніи жизненнаго опыта. И потому, если дасть совѣтъ относительно воспитанія или обученія, то совѣтъ разумный, опытный и приложимый къ воспитанію или обученію именно дѣтей русскаго народа. Потому-то онъ не считаетъ лишнимъ говорить о лаптяхъ, полушубкахъ, о томъ, гдѣ и какъ повѣсить рѣшето, о томъ, какъ бы искоренить въ русскомъ человѣкѣ его любимое во всякомъ дѣлѣ—«авось, небось и какъ нибудь» и т. п.

Такой цѣлесообразный, вполне приложимый къ дѣлу воспитанія и обученія дѣтей нашего простаго народа, трудъ г. Бѣлова и по изложенію своему очень доступенъ сельскимъ учителямъ. Изложеніе его чуждо всякой схоластичности, недантизма, туманной учености и щегольства иноземными книжными терминами; оно просто, задушевно, живо и увлекательно. И знакомый съ педагогическими началами и несколько не знакомый съ ними прочтеть эту книгу съ равнымъ интересомъ, увлеченіемъ и несомнѣнною пользою. Такая манера изложенія, такая рѣчь, какія у г. Бѣлова, доступны только человѣку, основательно знающему свое дѣло и съ искреннимъ участіемъ относящемуся къ нему, всей душой желающему убѣдить читателя послушаться его совѣта. Что напр. можетъ быть проще и искреннѣе этихъ словъ: «Послѣднее мое слово къ вамъ, сельскіе учителя; будетъ просьба: учите народъ, но не господствуйте надъ нимъ. Дѣти не взрослые крестьяне: они скоро поймутъ вашу любовь къ нимъ и скоро отвѣтить на нее самымъ горя-

чимъ чувствомъ. Если учитель придется имъ по душѣ, они немедленно опредѣляютъ свои отношенія къ нему самымъ простымъ, задушевымъ образомъ; иначе не станутъ называть его, какъ »ты, Иванъ Петровичъ, дядюшка, родимый«. И Боже мой! какъ отрадно звучить, по крайней мѣрѣ для насъ, это простое, но вмѣстѣ полное чувства и теплоты обращеніе! »Ты, Иванъ Петровичъ, а иногда просто Петровичъ, родимый«—слова, которыя должны составлять лучшую музыку для сельскаго учителя. Вникните, сельскіе учителя въ духъ языка нашего народа, поймите значеніе необыкновенной любви его къ словамъ уменьшительнымъ, къ постояннымъ эпитетамъ: »батюшка, матушка, голубчикъ, родимый, красное солнышко, свѣтъ мой бѣлый«, подумайго о всемъ этомъ, сельскіе учителя и, можетъ быть, убѣдитесь, что почва для вашей дѣятельности готова, остается только умѣючи сѣять» (стр. 27). Или, напримѣръ, что можетъ быть убѣдительнѣе, сильнѣе и искреннѣе этихъ словъ: »Никакія, принятыя въ настоящее время въ сельскихъ школахъ, наказанія не должны быть допускаемы; мы не говоримъ уже о розгахъ, не говоримъ потому, что считаемъ вопросъ объ ихъ педагогическомъ значеніи выше всякаго разсужденія; нѣтъ, мы не совѣтуемъ приобѣгать и къ другимъ наказаніямъ, напримѣръ лишенію нищи, ставленію въ уголъ, и проч. тому подобнымъ наказаніямъ. Дранье за уши, волосы, толчки, мы считаемъ прямо преступленіемъ со стороны учителя. Не вѣрьте, сельскіе учителя, тѣмъ людямъ, которые за частую говорятъ: »спасибо отцу да матери, что драли и колотили насъ въ дѣтствѣ; не драли бы насъ, такъ не были бы мы хорошими людьми«. Не вѣрьте имъ, во первыхъ потому, что хорошіе ли они люди, это еще бабушка на двое сказала; приглядитесь къ нимъ повнимательнѣе, то, можетъ быть, и замѣтите, что они только кажутся хорошими; во вторыхъ, если они вышли

хорошими людьми, то никакъ не отъ розогъ и бѣлотушекъ, ибо то и другое озлобляетъ человѣка, лишаетъ его сознанія о достоинствѣ человѣческомъ, но никогда не дѣлаетъ его болѣе мягкимъ и добрымъ; вышли же они хорошими людьми отъ причинъ совершенно другихъ, разбирать которыя, по ихъ разнообразію, не представляется возможности» (стр. 59).

Вполнѣ сознавая, что совѣты и правила давать легче, чѣмъ исполнять ихъ, авторъ предлагаетъ въ руководство учителю и образцы уроковъ. Въ первой части своего «Руководства», (вторая еще не вышла) онъ предлагаетъ образцы уроковъ по *русскому языку, родниковъденію и отечествовъденію*, предпославши имъ дидактическо-педагогическія правила, которыхъ учитель долженъ держаться во время занятій съ дѣтьми. Между прочимъ онъ обращаетъ вниманіе учителей на то, что благоговѣйное или неблагоговѣйное совершеніе дѣтьми предъ класомъ молитвы прежде всего находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, какимъ образомъ самъ учитель молится, такъ какъ выраженіе лица его во время молитвы, всякое движеніе тѣла, все это отражается на дѣтяхъ; потому, если онъ своими движеніями будетъ показывать, что молитва составляетъ для него дѣло утомительной формальности; то можетъ быть увѣренъ, что и дѣти точно также отнесутся къ молитвѣ. Способъ веденія уроковъ въ начальныхъ училищахъ онъ признаетъ, и совершенно справедливо, самымъ лучшимъ—*катехизическій*, состоящій въ вопросахъ учителя и отвѣтахъ ученика, т. е. въ томъ, чтобы рядомъ вопросовъ возбуждать въ ребенкѣ самостоятельность, заставляя его думать, доходить до отвѣта яснаго и правильнаго путемъ логической работы головы, а не въ томъ, чтобы ученики отвѣчали готовыми отвѣтами, заранее ими выученными; ибо такіе отвѣты упражняютъ только память и приучаютъ ученика заниматься

безъ размышленія. Опредѣляя цѣль обученія русскому языку, которая заключается въ томъ, чтобы повліять путемъ языка, какъ орудія мысли, на умственное развитіе дѣтей и въ томъ, чтобы научить правильно, на сколько можетъ достигнуть начальная школа, выражать мысли въ словахъ и на бумагѣ, авторъ предостерегаетъ учителей отъ ошибки, въ которую впадаетъ большинство изъ нихъ, когда обращаютъ начальную школу по объему ученія въ уѣздное училище или гимназію, вдаваясь въ грамматическія подробности при занятіяхъ съ дѣтьми по русскому языку. Самые образцы уроковъ предлагаетъ авторъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ до того ясно и подробно, что трудно представить учителя, который бы не понялъ въ чемъ дѣло, какъ нужно вести преподаваніе предмета. За уроками по русскому языку авторъ предлагаетъ образцы уроковъ по родиновѣденію и отечествовѣденію. Что это за науки,—которыхъ въ программѣ предметовъ школьнаго обученія у насъ не было? Это такіе предметы, по которымъ ученикъ знакомится съ мѣстами, гдѣ онъ родился, съ уѣзднымъ городомъ, около котораго находится его мѣсторожденіе, въ географическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, а потомъ съ губернскимъ городомъ и наконецъ съ цѣлымъ русскимъ государствомъ, при чемъ сообщаются свѣденія—географическія, историческія, промышленныя, торговыя, относящіяся къ администраціи и суду. Значить, это тоже, что прежде излагалось въ географіи Россіи и русской исторіи, только здѣсь приемъ и порядокъ изложенія другой. Значеніе знанія такихъ, близкихъ уму и сердцу русскому, предметовъ неоспоримо. И надобно замѣтить, что г. Бѣловъ первый изъ всѣхъ составителей уроковъ по отечествовѣденію для начальныхъ школъ даетъ ясное для дѣтей и опредѣленное понятіе о строѣ и управленіи нашего государства, объ императорской власти,

судебныхъ и земскихъ учрежденiяхъ, и наконецъ объ обязанностяхъ и правахъ крестьянъ какъ присяжныхъ, такъ и гласныхъ. Онъ не вдается въ излишнiя подробности объ этихъ предметахъ, и учителю не совѣтуетъ обременять ими голову ребенка.

Но при всѣхъ указанныхъ нами неоспоримыхъ достоинствахъ »Руководства для сельскихъ учителей« оно не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Желая устранить въ своемъ трудѣ сухость систематическаго изложениа, недангизмъ, авторъ впалъ въ другую крайность, допустивъ непрiятно поражающую разбросанность мыслей, такъ что одна и таже мысль повторяется нѣсколько разъ и высказанная одинъ разъ, снова чрезъ нѣсколько страницъ появляется между другими мыслями. Если бы была послѣдовательность въ группировкѣ мыслей, то изложенiе было бы несравненно яснѣе и опредѣленнѣе. Равнымъ образомъ, отдавшись всей душою дѣлу и желая выразить въ предлагаемомъ »Руководствѣ« всю свою ревность и сочувствiе къ своему предмету, авторъ впалъ въ крайность, допустивъ нѣкоторую сантиментальность тона, приторную для русскаго уха и отчасти ослабляющую впечатлѣнiе того, что онъ хочетъ сказать. Но всему видно, что есть за авторомъ грѣхъ-увлеченiе нѣмцами, у которыхъ онъ должно быть и позаимствовалъ эту сантиментальность. Такъ, указывая на развитiе въ дѣтяхъ выдержки, онъ прибавляетъ: »Великая вещь по своимъ послѣдствiямъ эта выдержка! Хлопочите сельскiе учителя всѣми силами о томъ, чтобы привить ее своимъ питомцамъ; хлопочите о томъ, чтобы современемъ выходило изъ рукъ русскаго человѣка хорошее, здоровое, брѣнное дѣло, какимъ оно выходитъ изъ рукъ нѣмцевъ, *все на свѣтѣ побѣждающихъ* своей выдержкой« (стр. 27). Нѣмцы въ книгѣ г. Бѣлова и въ физическомъ отношенiи все сильнѣе и богатырнѣе, въ сравненiи съ русскими крестья-

наномъ! Авторъ не свободенъ отъ увлеченій и въ своихъ педагогическихъ воззрѣнiяхъ, и потому допускаетъ брайности, обмолвки, противорѣчiя. Напримѣръ, совѣтуя добиваться точности и основательности во всемъ, что предлагаетъ ребенку школа, онъ, на основанiи этого принципа, энергически возстаетъ противъ самостоятельнаго чтенiя дѣтьми разныхъ книжекъ безъ провѣрки прочитаннаго и совершенно опускаетъ изъ виду, что такое чтенiе можетъ быть вредно лишь на первыхъ порахъ и что школа все таки должна приучить дѣтей къ самостоятельному чтенiю. Говоря о дѣтской библіотекѣ, г. Бѣловъ совершенно безъ разбору изгоняетъ сказки, не смотря на поэтическую прелесть и нравственный смыслъ многихъ русскихъ сказокъ и на достойную вниманiя педагога любовь къ нимъ нашихъ дѣтей. Увлечательно трактуя о школьныхъ праздникахъ и ихъ глубоко воспитательномъ значенiи и предлагая устроить ихъ съ играми и пѣніемъ, авторъ впадаетъ въ противорѣчiе. Подъ влияніемъ того же увлеченiя г. Бѣловъ презрительно отзывается о «педагогiи», безпрестанно подкрѣпляя свои совѣты учителямъ фразой, что этому не научить никакая педагогiя», какъ будто его собственные совѣты не входятъ въ область той же самой педагогiи, пренебреженiе къ которой онъ старается навязать своимъ читателямъ. Понятно, что авторъ подъ презираемой имъ педагогiей разумѣетъ безплодную педагогiю; но онъ не выясняетъ этого и, браня ее съ плеча, можетъ поселить лишь недоразумѣніе въ учителяхъ, незнакомыхъ съ требованiями рачіональной практически-жизненной педагогiи, о распространенiи которой онъ самъ хлопочетъ ¹⁾. Къ недостаткамъ труда г. Бѣлова нужно отнести и не совсѣмъ вѣрное и ясное распределенiе его уроковъ въ начальной школѣ. На родной

¹⁾ »Народная Школа« 1870. № 3, стр. 47.

языкъ онъ отдѣляетъ пять уроковъ въ недѣлю и умалчиваетъ объ *объяснительномъ* чтеніи, посредствомъ котораго и должно совершаться, послѣ обученія грамотѣ, общее образованіе учениковъ. Отдѣляя три урока на естествовѣденіе какъ отдѣльный учебный предметъ, онъ опускаетъ *наглядное обученіе* и *черченіе*, между тѣмъ какъ эти предметы существенно важны въ народной школѣ и въ образовательномъ и въ практическомъ отношеніяхъ. На иѣніе онъ также не отводитъ особыхъ уроковъ, хотя увлекательно говорить о пользѣ обученія иѣнію. Такая неясность, спутанность въ разрѣшеніи вопроса о количествѣ еженедѣльныхъ уроковъ въ народной школѣ, увеличивается еще болѣе отъ того, что г. Бѣловъ ничего не говоритъ о числѣ лѣтъ, которое долженъ пробыть ученикъ въ школѣ при нормальномъ ходѣ его обученія, сколькоихъ лѣтъ онъ долженъ поступать и сколькоихъ лѣтъ оканчивать курсъ. Замѣтна торопливость автора перейти скорѣе въ образцовымъ урокамъ ¹⁾. Школа, по его мнѣнію, должна состоять изъ двухъ классовъ и допускать въ ней въ одномъ и томъ же классѣ нѣсколькихъ отдѣленій не слѣдуетъ. Но какъ же, спросимъ мы автора, распределить въ этихъ классахъ дѣтей по годамъ ихъ вступленія въ школу, куда дѣвать напр. азбучниковъ, которые ежегодно будутъ прибывать въ первый (младшій) классъ? Отвѣта на этотъ вопросъ въ его «Руководствѣ» нѣтъ. Понятно для насъ также и то, почему авторъ образцы уроковъ въ начальной школѣ начинаетъ съ «роднаго языка», а не съ обученія чтенія и письму. Эти два начальные предмета онъ опускаетъ, между тѣмъ какъ они-то и составляютъ камень преткновенія какъ для учителей, такъ и для учениковъ. Если предположить, что у насъ дѣльныхъ руководствъ къ обученію этимъ предметамъ до-

¹⁾ См. «Народная Школа», 1870 г. № 13, стр. 48.

вольно, а потому г. Бѣловъ счелъ лишнимъ распространить-
ся объ нихъ; то почему же онъ предлагаетъ уроки по ариф-
метикѣ, русскому языку и т. д., тогда какъ дѣльных учеб-
ныхъ руководствъ и по этимъ предметамъ у насъ тоже
не мало. Не представить ли авторъ образцы уроковъ по
обученію чтенію и письму во второй части? Это было бы
очень желательно.

Указанные нами недостатки нисколько не отнимаютъ
цѣны и значенія труда г. Бѣлова. Мы рекомендуемъ его
какъ истинно полезное руководство для сельскихъ учителей,
нисколько не лишнее даже при руководствѣ барона Корфа,
такъ какъ въ первомъ есть много особенностей и во взгля-
дѣ на дѣло обученія и воспитанія, и въ пріемахъ, а глав-
ное въ образцахъ уроковъ. Приобрѣтеніе книги г. Бѣлова
ни въ какомъ случаѣ не будетъ бесполезной затратою де-
негъ.

Н. Э—скій.

(Окончаніе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу только что
отпечатанная книга:

«Опытъ Исторіи Библейской женщины» Прот. *Н. Л. Кустодіева*. С.-Петербургъ. 1870 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.; на лучшей бумагѣ 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Складъ книги у *С. Л. Никольскаго* (С.-Петербургъ, Большая Садовая, противъ Юсупова сада, д. *Кукаиса*, квар. № 18), къ которому и благоволять адресоваться гг. книгопродавцы.

Выписывающіе книгу отъ *С. Л. Никольскаго*, вмѣ-
сто мелкихъ денегъ, могутъ высылать почтовые марки и

при требованіи не менѣе 10 экз. за пересылку ничего не прилагаютъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ въ 1871 году.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Синода, съ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1871 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученѣмъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками, не менѣе 10 печатныхъ лпстовъ въ каждой.

Православный Собесѣдникъ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ *исключительно* изъ приложений, а вторая—*преимущественно* изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно Православный Собесѣдникъ.

Въ первой половинѣ, составляющей приложения къ Православному Собесѣднику, будутъ помѣщаемы:

1) Дѣянія (акты) вселенскихъ соборовъ, *въ русскомъ переводѣ*, въ полномъ ихъ составѣ (VI всел. соборъ).

2) Толкованіе блаж. Θεοφύλαкта, архіепископа болгарскаго, на книгу Дѣяній апостольскихъ, *въ русскомъ переводѣ*.

3) Памятники древне-русской духовной письменности (окончаніе «Проскинитарія» Арсенія Суханова и др.).

Каждое изъ упомянутыхъ приложений, по окончаніи,

составить особую книгу, съ особыми—заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

Примѣчаніе. Чтобы не раздроблять означенныя приложенія къ Православному Собесѣднику на мелкія части для помѣщенія всѣхъ ихъ въ каждой книжкѣ, но давать читателямъ болѣе цѣлостное чтеніе, помѣщается въ каждой книжкѣ по одному приложенію изъ означенныхъ выше, отъ четырехъ до пяти печатныхъ листовъ, такъ: въ одной напр. книжкѣ — «Дѣянія вселенскихъ соборовъ», въ другой — «Толкованіе бл. Фефилакта», и такъ далѣе.

Во второй половинѣ, собственно въ Православномъ Собесѣдникѣ, будутъ помѣщаться статьи: 1) догматическаго содержанія, 2) нравственнаго содержанія, 3) истолковательнаго содержанія, 4) церковно-историческаго содержанія, 5) другія, болѣе или менѣе подходящія къ утвержденной прежде святѣйшимъ Синодомъ программѣ Православнаго Собесѣдника, статьи духовнаго содержанія, 6) журналы съѣзда казанской духовной академіи, вполнѣ или въ извлеченіи.

Примѣчаніе. При обширности этой программы Православнаго Собесѣдника, и по небольшому объему книжекъ его, не всѣ означенные здѣсь отдѣлы входятъ въ каждую книжку, но въ одной помѣщаются статьи по однимъ отдѣламъ, въ другой—по другимъ, и такъ далѣе.

Изъ двѣнадцати книжекъ этой второй половины журнала, по окончаніи года, составитъ три тома Православнаго Собесѣдника, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ, съ особыми—заглавными листами, счетомъ страницъ и оглавленіями.

Цѣна за полное годовое изданіе Православнаго Собесѣдника на 1871 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, не смотря на увеличеніе платы за почтовую пересылку противъ прежнихъ годовъ, остается прежняя: съ доставкою

на домъ по г. Казани и съ пересылкою во все мѣста Имперіи — семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани, въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 года при «Православномъ Собесѣдникѣ» издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ «Извѣстія по казанской епархіи», которыя будутъ выходить и въ 1871 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна «Извѣстій» для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*: а) отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» *четыре руб.*, б) а для выписывающихъ и «Православный Собесѣдникъ» *три руб.* (всего за два изданія *десять руб.*) сер. — съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи «Православнаго Собесѣдника».

Въ той же редакціи продаются по пониженнымъ цѣнамъ и съ пересылкою:

А. *Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855, 1856 и 1857 годы (по 4 книги въ каждомъ) по 3 руб., за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868 и 1869 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 6 руб., а за 1870 годъ (12 книгъ) 7 руб. сер. (Полныхъ экземпляровъ за 1867 г. въ продажѣ нѣтъ).

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ Православный Собесѣдникъ: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 1 руб.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубл.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубл. 50 коп.; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868 и 1869 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ Православнаго Собесѣдника одни *приложенія* къ нему:

1. Посланія св. Игнатія богоносца (съ свѣденіями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 руб.

2. Дѣянія вселенскихъ соборовъ. Четыре тома. 1859 — 1867. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50

кон., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб. 50 коп., за всѣ четыре тома 13 руб. 50 коп.

3. Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Теофилакта, архієпископа болгарскаго, на св. евангелія—Маттея и Марка (съ предисловіемъ). Два тома. 1855—1857. Цѣна 3 руб. за оба тома.—*Тоже*, томъ третій,—на евангеліе Луки. 1869. Цѣна 2 руб.

4. Бл. Теофилакта, архієпископа болгарскаго, толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб. 25 коп.

5. Бл. Теофилакта, архієпископа болгарскаго, толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

6. Бл. Теофилакта, архієпископа болгарскаго, толкованіе на (первое и второе) посланія къ Коринѳянамъ. Одинъ томъ. 1867—1869. Цѣна 1 руб. 75 коп.

7. Святаго отца нашего Григорія двоеслова собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб. 50 коп.

8. Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною католическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865—1866. Цѣна 2 руб. 75 коп.

9. Сказанія о святыхъ христіанскихъ, чтимыхъ православною католическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1 й. 1866—1869. Цѣна 2 руб. 50 коп.

10. Посланія Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

11. Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа, игумена волоцкаго (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1855—1857. Цѣна 2 руб. 50 коп.

12. Сочиненія преподобнаго Максима грека (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

13. Стоглавъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб. 50 коп.

14. Сочиненіе инока Зиновія: Истинны показаніе къ вопрошавшимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 4 руб.

15. **Остенъ.** Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб. 25 коп.

15. **Мечець духовный.** Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Сочиненіе Іоаннѣи и Софроніи Лихудовъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1866—1867. Цѣна 1 р. 50 коп.

17. **Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ,** архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

18. **Житіе** преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 75 коп.

19. **Житіе** пресвященнаго Пларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 75 коп.

20. **Указатель статей,** помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1864 годъ. Цѣна 30 коп.

21. **Портретъ** патріарха всероссійскаго Іоакима. Цѣна 20 коп.

Редакція **Православнаго Собесѣдника** проситъ желающихъ выписывать означенныя въ сѣмъ объявленіи изданія съ-обращаться съ своими требованіями *прямо* въ эту редакцію, съ приложеніемъ за нихъ денегъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, и прописывать свой адресъ ясно и точно. Въ почтовыхъ же мѣстахъ подписка на сѣ изданія не принимается.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

«Вѣстникъ Западной Россіи» въ будущемъ 1871 году (девятомъ).

Я принимаю на себя изданіе «Вѣстника западной Россіи» въ самую трудную для него эпоху. Вызванное личнымъ сознаніемъ долга и настояніями людей русскихъ, его продолженіе потребовало отъ меня различныхъ самопожертво-

ваній, помогшихъ мнѣ пережить кризисъ Вѣстника настолько успѣшно, насколько то было возможно въ его недугѣ: прежніе его сотрудники сочувственно откликнулись на мой призывъ, журналъ, позволяю себѣ думать, сдѣлался содержательнѣе и скоро войдетъ въ свои нормальные ерени,—надѣюсь, при помощи Божіей и содѣйствіи добрыхъ людей, поднять его уровень далеко выше.

«Вѣстникъ западной Россіи» будетъ издаваться по прежней своей программѣ, именно:

Отдѣлъ I. Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, съ переводомъ на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ,—съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые писаны на древнемъ русскомъ языкѣ, и съ прибавленіемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II. Очерки и разсказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ,—научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ,—біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ западной Россіи,—свѣденія о церквяхъ, монастыряхъ, учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III. Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опроверженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно недругами нашего отечества,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ, вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію благосостоянія и цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV. Повѣсти, разсказы, очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіей,—свѣденія о заграничныхъ славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи, о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ за-

падной Россіи, новыя государственныя постановленія и мѣстныя административныя распоряженія, касающіяся сихъ областей, — извлеченія изъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи, — библиографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, набытыхъ предметомъ эти области, — некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденціи, объявленія и проч.

«Вѣстникъ» будетъ выходить съ января мѣсяца книжками около 12 листовъ обыкновенной печати.

Подписка принимается: для *Вильны* — у книгопродавца *А. Г. Сыркина*, на Большой улицѣ, домъ Учебнаго Округа.

Въ *С.-Петербургѣ* — у комиссіонера «Вѣстника», книгопродавца *А. О. Визунова*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольшаной.

Въ *Москвѣ* — у книгопродавца *Н. Г. Соловьева*, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

Изгородные благоволятъ адресоваться прямо и *исключительно* въ редакцію «Вѣстника Западной Россіи», въ Вильнѣ.

Годовая цѣна изданію: въ *Вильнѣ* 6 р., съ доставкою на домъ 7 р., съ пересылкою во все мѣста Имперіи 8 р. Для сельскаго духовенства и волостныхъ правленій годовой экземпляръ «Вѣстника» уступается за 6 р. съ пересылкою. Принимается подписка и на полгода, но только *съ истребительнымъ* условіемъ высылки денегъ въ маѣ и на 2-е полугодіе. Адресы прошу писать какъ можно разборчивѣе.

Для избавленія меня отъ рискованной затраты капитала, прошу покорнѣйше желающихъ выписывать мое изданіе *ускорить подпискою*.

Редакторъ-издатель *Н. Эрмичъ*.